

ЗВЕЗДНЫЙ БУКЕТ

Это имя добром поминал я всегда
В день веселья и в грустный свой час...
Нашей встречи с тобой полыхнула звезда,—
Вот и вспомнил, Радетель, о нас!

В тихий вечер у звезд голубых на виду
Растревожат покой соловьи...
Я тебе подарил бы, как прежде, звезду,
Только звезды теперь не мои.

И с тобою такой я почти не знаком.
Снова влюбишь? Наверно, уж нет.
А ромашки тебе я нарвал с полынком —
Это, видно, мой звездный букет.

Он к твоей прикасается робко груди,
Как и я прижимался не раз.
Не грусти: будем вместе на Вечном Пути,
Только Жизнь эта станет без нас.

Скоро снова зажжется разлука-заря —
Растворятся звезды, как дым.
И, за позднюю встречу друг друга коря,
«Слава Богу!» — Ему говорим.

В тихий вечер у звезд голубых на виду
Растревожат покой соловьи...

Я тебе подарил бы, как прежде, звезду,
Только звезды теперь не мои.

СТАРЫЙ ДОМ

Все тебе непривычно кругом.
Осмотришься. Улыбнешься. Не спеши.
Ты вошла осторожно в мой дом,
Старый дом одинокой души.

Ставни окон, как веки, открой.
Здесь не смерть — летаргический сон.
Здесь давно не живет домовой,
Как и я — все скитается он.

Серых дум облака разгони.
Ты поплачешь потом, а пока
Паутину повсюду смахни
Бедным веником из полынка.

Окна теплой водою умой.
Приберись. Отдохни. И, как знать,
Может быть, не случайно, в трюмо
Голубую увидишь тетрадь.

И на росной забытой заре,
После светлых бессонных часов,
Как в Дивеевском монастыре,
Окунишь в мой источник стихов.

Ранним утром, халатик надев,
Ты сойди потихоньку с крыльца
И послушай щемящий напев,
Развеселого раньше, скворца.

Этой грустью прошита вся Русь.
Не пугай ты его, не тревожь,—
Я сюда никогда не вернусь,
Да и ты — погостишь и уйдешь...

НА РОДИНЕ

Туманы белы над тихой Русью.
Где жизнь кипела, там — захолустье.

Без песен поле, печален аист.
Избушек боле, чем их хозяев.

И, отовсюду прошит ветрами,
Грустит над прудом тот домик мамин.

Никем не встречен — все на погосте.
А я, сердечный, опять к ним в гости.

И не «паленой» в стакан налью я —
Брал по талонам, сберег родную.

И пью за маму, за друга Женьку
И жизни драму — за деревеньку.

И — «...хали-гали...», «лечу к голубке» —
То ль к дому Вали, а может, Любки?

Поэт, заблудший в прогорклой жизни,
Иль лет минувших усталый призрак?

А кто-то рядом с косой знакомой.
«Эй! Как тебя там? Меня б до дому...»

ПАЛОМНИК

Ветром столетий минувших повеяло.
Екнуло сердце. Душой встрепенулся.
То ли я просто приехал в Дивеево,
То ли на родину предков вернулся?

Сколько дорог и тропинок мной пройдено!
Все же привел в край заветный Спаситель...
Здравствуй, Четвертый Удел Богородицы,—
Дум моих светлых святая обитель!

Очарованьем величья неброского
Всей своей сущностью я наслаждался:
К раке с мощами святого Саровского
С благоговением я приложился.

Там, где ступала Царица Небесная —
Лица паломников светлы и кротки.
Тихо прошел вдоль Канавки чудесной я,
Перебирая с молитвою четки.

Думы тяжелые, мысли порочные
С сердца смахнуло спокойной волною
Там, где с целебной водой в источнике,
Утром купался я с легкой душою.

Храмы... Соборы... Наклонная звонница...
Сколько Небесного, дивного сколько!
Чудо закончилось. А за околицей
Старый автобус сломался надолго.

Кто-то шутил: «Собрались, видно, грешники».
Сникли улыбки. Уж стало смеркаться.
А мне казалось: из времени прежнего
Кто-то со мной не хотел расставаться...

ХРУСТАЛЬНЫЙ АВГУСТ

Не ругай меня, что снова я пою о звездах синих,—
Без меня им, может, грустно в бесконечных небесах.
Время катится беспечно, но зачем-то я и ныне
Имена их повторяю наяву и в лучших снах:

«Вега, желтая Капелла, белый Сириус, Антарес,
Как рябина — Бетельгейзе и Полярная звезда...».
За плечами годы шепчут: «Отлюбилось, отмечалось...».
Звезды ясные мигают: «Утечет все, как вода...».

Ты прости меня, что реже о тебе я вспоминаю —
Прежних чувств не растревожат ни жалейка,
ни свирель...
А вокруг хрустальный август, и, в безмолвии сгорая,
Рыжей осени в угоду льется звездная капель.

Если черной лунной ночью затрепещется сердечко,
Сон увидишь ты прекрасный — не смотри его, проснись,
Выйди из дома тихонько, прислонись к березе-свечке
И на звезды голубые, улыбнувшись, помолись.

В срок печальный кану в вечность, в брэнной жизни
намытарясь,
Веря в то, что надо мною будут ластиться всегда
Вега, желтая Капелла, белый Сириус, Антарес,
Как рябина — Бетельгейзе и Полярная звезда...

